

К ЧИТАТЕЛЮ

Уважаемый читатель, спасибо за внимание к нашей книге. К книге, в которой представлены авторы современной поэзии.

У поэзии сейчас нелегкие времена. Нет, она никуда не исчезла, она просто не собирает стадионы, за ней не выстраиваются очереди у книжных полок, ее не транслируют на коммерческих радиостанциях. Она не гонится наперегонки с техническим прогрессом и не пытается разменять искренность на несколько минут центрального телевидения.

Тем не менее поэзия осталась, как никуда не делись ни вечные вопросы, ни ощущение гармонии (дисгармонии) этой жизни, как никуда не делось чувственное восприятие действительности.

Поэтов не стало меньше, чем в прошлые времена. Рискну предположить, что поэзия, в лучших своих проявлениях, даже не стала хуже, чем в «серебряное» или «золотое» время. Она просто стала чуть тише, чуть интимнее. Чуть более «для своих». Для тех, кто умеет поэзию слышать.

Наверное, это потому, что поэзия, как и чувства, есть Дар, определенная энергия, которую человек зачем-то получил. И этот Дар требует, чтобы Поэт выполнил свое предназначение, отдал полученную энергию людям. Как сказал Н.И. Калягин: «Поэзии не бывает без вдохновения, а вдохновение — это то, что вдыхается в человека извне, то, что приходит не спросясь и уходит, когда не ждешь».

Поэт немислим без своего слушателя, без своего читателя. Поэтому спасибо, уважаемый читатель, что ты есть. Надеюсь, что в этой книге найдутся Миры, которые затронут твою душу.

*С уважением,
Игорь Знаешев,
главный редактор издательства «Скифия»*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Что отличает человека от других живых существ?

Вертикальное положение тела? Деревья гораздо вертикальнее нас. Количество извилин? У слона и кита их гораздо больше. Специализация полушарий? И что это дает?..

Мы говорим! И не только о еде, укрытии и размножении. Мы говорим о «лишнем», с точки зрения камней, деревьев и кошек (при всем моем к ним уважении). Мы ведем непрерывные диалоги.

Причем не только снаружи, но и внутри.

*Редактор тома,
Нари Ади-Карана*

P. S. Наша книжная серия продолжается. Если вы хотите предложить свои поэтические или прозаические работы к публикации — мы будем рады.

Просто вышлите свои произведения с небольшим рассказом о себе по адресу **skifiabook@mail.ru** с пометкой «заявка на участие в Антологии Живой Литературы» — мы обязательно вам ответим!

Анатолий Ларионов

д. Старица, Калужская обл.

Штрихи

Родился 18 сентября 1949 г. Член Союза писателей Москвы. Издал пять книг: «По замкнутому кругу» (2004), «Автограф» (2004), «Найти себя» (2008), «Чайный блюз» (2008), «Пограничная зона» (2009).

Найти себя

А. Храменкову

Найти себя подстрочником, строкой,
хоть буковкой, хотя бы звуком малым!
Все это было в детстве под рукой —
огромный мир! И вдруг его не стало.

Он заблудился в собственном лесу
не ставших откровениями истин.
И сам себя я на руках несу
туда сквозь шепот уцелевших листьев.

Не обольщусь, безвременья следы
за собственные вехи принимая.
И, пробуя червивые плоды,
я только крепче кулаки сжимаю.

Как это горько, в будущем своем
остановившись посреди дороги,
вернуть тот мир и, задыхаясь, в нем
найти себя. И не узнать в итоге.

Памяти Осипа Мандельштама

И море Черное, витийствуя, шумит
и с тяжким грохотом подходит
к изголовью.

О. Мандельштам

И молния, придя этапом к горизонту,
и гром, творящий слух, приравненный судьбе,
и сонмы кораблей, ведущие из Понта
отсчет во времени,— все сходится к тебе!

И всяк, найдя свой свет, готов предать огласке
кровавых куполов архаику. И вот
спешат пробить свой час куранты башни Спасской,
и, как дитя, притих выдавший виды флот.

Все сходится к тебе: и Рим, и Кремль! Воловью
покорность сбросил с плеч ахейский капитан.
«И с тяжким грохотом подходит к изголовью»
беспамятства лишенный океан.

Щенок

Из мокрых листьев коктейль взбивая,
жалобный лай отсыревшей нотой
бросился в сонный салон трамвая,
но был отброшен дверной икотой.

Рванулись рельсы в ночную слякоть,
теплый дом унося по шпалам.
...Он упал. И окраин мякоть
стекла молоком по лицам усталым.

Никто не подумал, что он без хлеба,
не испугался судьбы нелепой.
Одно утешение — обляять небо...
Господи, с чьей это жизни слепок?

После грозы

все вымерло вчера и кончилось вчера
в чернильных жилах вся катилась к морю туча
и на крючок была нанизана пчела
и среди прочих звезд была звездой падучей

и время запеклось сиреневой чертой
и горький майский мед сочился в неба чашу
и думала пчела согнувшись запятой
что вот последний шанс украсить глупость нашу

К портрету В. Д. Гудиашвили

Мало ли, много жизнь искажала...
К дому дорога долго бежала,
долго петляла, долго кружила.
Много ли, мало жизнь предложила?

Годы обочин, горя, крушений...
Вздулись, как корни, жилы на шее,
дернулись гневно, будто очнулись.
Тут и в отечестве встрепенулись.

«Смерть Пиросмани» — не для Парижа!
Кисть не обманет — Родину вижу!»
Цвета густого сурика — руки.
Тридцать шестого года излуки.

Грязь не пристала, не ослепила:
перелистала и — отступила.

По кругу

стрелки-стрелки секунданты бессонницы
мысли взрывают по кругу вращения
то ли текущее время хоронится
то ли становится мера священнее

кто их, зачем тянет ширмой мигреновой
вслед изнуряющей скачке пунктирной
по циферблату стихотворения
в этой пустой суматохе квартирной

взвешивай! в память с которой стирается
секундомерной агонии свита
может быть новая жизнь упирается
не осязая условий транзита

Капля

она растёт как приговор вмещая
себя с трудом в незыблемую форму
дарованную ей самой природой
свернув пространство до законов плоти
и ими пресыщаясь в этой рабской
колеблющейся хрупкой оболочке
она созреет и слезой паденьем
гармонию привычную встревожит
но не изменит только миг и капля
разбита вдребезги и новые зачатья
поспешно примут те же формы рабской
свободы плоти жаждущей полета
и это будет продолжаться вечно

***

Февраль. Дождями загрунтован
до белой накипи газон.
И ожерелья хмурых окон
нелепый отражают сон:
сухой закон, года глухие,
по кухням — затяжной совет.
Из жизни дворники лихие
последний выметают свет.

А дождь уже со снегом дружен
и мертвый катится сезон,
и, как на праздник, отутюжен
лицо теряющий газон.

***

Когда-нибудь, сорвав повязку с глаз,
лишь оглянись! Там, в обмороке будней,
вся жизнь в огне безумных клятв и фраз
в круг вплетена, который наши судьбы
замкнули. Нить (а прежде то была
черта последняя) тоской мне горло сжала.
Отбросив два мешающих крыла,
ты эту нить, как зеркальце, держала.

Замри, прошу! В неведение рука
 пребыть должна.
Пусть вся в узлах, как в шрамах,
 струится нить по лезвию стиха,—
 я жив еще! И это как-то странно.

***

Мой ангел нежный, не зови меня!
Твое дыхание мне обжигает память
и, как мальчишку, выдыхает в ночь
в безумии отчаянья. Я знаю
неутоленный страх. Он нас убьет.
Уж лучше мне ослепнуть от желанья,
чем дать ему окрепнуть. О, молчи!
Мой ангел нежный, мы не видим сами,
каких глубин коснулись и каких
глубин коснулось прошлое. За нами,
как хвост змеи — забот влачится шелк.
Он нам мешает в пустоте вмещаться
и счастлив там, где высохли цветы,
где докричаться значит — задохнуться,
где нам нельзя по голосам узнать
границ и кто участники побега.
Он нам мешает сделать вдох один,
сорвать замки и выйти, выйти в небо,
и раствориться в нем, и прорасти
одной вселенной. О, мой ангел нежный!

***

до невесомости легка
невнятная пока
идет последняя строка
идет издалека
из детства
из чужой беды
из ранки у виска
из медом брызжущей среды
из мук черновика
идет непрошено как вор
как страх и как тоска
как неизбывный приговор
последняя строка
за ней молва
за ней зима
за ними пустота
и чтобы не сойти с ума
чуть в стороне мечта
еще ее дымится пульс
но полон рот песка
и спит, давно уткнувшись в пульт
смотритель маяка
и некому золу смести
с казенного листа
зажата молния в горсти
и дальше — немота

Старик

По ночам крошится воля — то пьяня, то леденя.
Засыпая память солью, жажда мучает меня.
С ней старик под руку бродит и не помнящий родства,
речь о будущем заводит просто так, из озорства.
Ясновидящий калека, жрец хронической тоски,
кто ты, тенью человека в сад проникший воровски?
Хладнокровный искуситель, изолгавшийся мудрец,
эха вирусоноситель, переживший иск истец,
преклоняющий колени у колодца без воды,
жалкий, скорбный, черствый гений окружающей среды.
Ты же сам смертельно болен страхом завтрашнего дня.
— Ну а ты собой доволен? — обрывает он меня.

Подмосковная баллада

Катуар. Начало марта.
Желтый снег в ночи увяз.
Два барака, как две карты,
вырастают в горький фарс.
Сесть за эти карты значит —
окунуться в долгий сон.
Два барака — две задачи.
Жизнь поставлена на кон.

Занавесочки цветные —
разноцветная тоска!
Цедят песенки блатные
два бича-истопника,
водку пьют, играют в кости...
Обворованы до пят,
раскладушечные гости
лишь отчаянно храпят.

Занавесочки-гордыни,
подмосковные шелка!
Два барака — две пустыни,
две судьбы-черновика.
От фундамента до крыши
из беспамятных времен
поднимается все выше
список выжженных имен.

Одиссей

день болтается на привязи
мой и раб и господин
я без умысла и примеси
одиначества один

что мне делать с обалделою
от безделья тетивой
проступившей нитью белою
на судьбе моей кривой

паруса давно распроданы
льдом подернуто весло
день без имени без родины
ах куда нас занесло

крики чаек одичалые
спохватившейся тоски
да в туманах за причалами
безутешные гудки

Пограничная зона

Ты опять позвонишь и, судьбой наполняя слова,
будешь долго молчать, но и я не начну молиться.
И опять в проводах будет страхи баюкать молва
и пунктирной строкой выпадать на пустые страницы.

Столько лет не у дел, выдыхая тоску и хандру,
я ползу вдоль стены миражом золоченого рая,
иногда просыпаясь, чтоб водки хватить поутру
и вчитаться в сюжет нереально родимого края.

А проценты растут, и условия ныне жестче.
У Харона в гостях изобилье кровавой икры.
И когда позвонишь, я из жижи привстану, Отче,
и спасибо скажу за бессчетные эти дары.

***

в яме оркестру (теперь это видно) дана
мука ключа откровение нотной тетради
выпита жизнь и, похоже, до самого дна
всех этих «ля» и гармонии выдоха ради

кто там во фраке размахисто чертит круги
руки ломая, пытаясь за воздух держаться
в яме оркестру (теперь это видно) шаги —
каждый из тьмы, не должны на игре отражаться

выпали ноты убогой несущке в подол
что с ними делать она не признает и спьяну
ах, дирижер режиссер волонтер валидол
из перехода в метро — погребальную яму

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru